

Юлия ЗОНИС

РАССКАЗЫ

Юлия Зонис

Суженый-ряженный

«Автор»

Зонис Ю. А.

Суженый-ряженный / Ю. А. Зонис — «Автор»,

«Девушка потрянула русой косой и отвернулась к стене. Зерцало на стенке вещало неясное: то ли красавица перед ним стоит, то ли уродина, не поймешь вовсе. Помутнело стекло, исчервоточилось. Двести лет ему, а, может, и больше...»

© Зонис Ю. А.

© Автор

Юлия Зонис

Суженый-ряженный

*Сват перекинул нам красный плат,
а сватья – кривая попадья.*

– Ну и что, девонька, что с волком? Я вон с козлом семнадцать лет живу, и ничего, обвыклась.

Будто в подтверждение дядька Иннокентий дернул козлиной бородкой. Паслена поджала губы.

– Этак каждая хочет – с голубком да горлинкой. Ну да ведь голубков-то на всех не напаешься. А с волком – оно непочетно, да сытно.

Девушка тряхнула русой косой и отвернулась к стене. Зерцало на стенке вещало неясное: то ли красавица перед ним стоит, то ли уродина, не поймешь вовсе. Помутнело стекло, исчервоточилось. Двести лет ему, а, может, и больше. Говорят, прадед-мореход прабабке из дальних земель привез, с тех пор в красном углу и висит, как раз насупротив иконы Вениамина-Незлобливца. Интересно, а прадед-то кем был? Чайкой ли речной, водяным ли зверем сиучем? Паслена досадливо поморщилась. Кем бы ни был, а только не волком.

– Ну чем тебе Степан не приглянулся? Мужик солидный, запасливый, и не ленив. Дело свое знает.

– Ага, дело, – взвилась девка, – Уж какое дело! А кровь с половиц кому отскребать, мне?

– А ты терпи, – неожиданно вмешался дядька. – Терпи, длиннокося. Вот ведь вы все, бабы, какие – волос длинен, да ум короткий. Не по уму тебе, так и молчи.

– Тебе-то по уму, это точно.

Тетка Евксинья уперла руки в боки, надвинулась на дядьку, как туча на церковную колокольню. Того через миг и не видно стало, только нос из бороденки торчит.

– Ты-то всю жизнь только и делал, что с мужиками на лавке язык чесал. И огород, и хозяйство – все на мне. А тебе лишь бы капусту жрать да за девками сквозь плетень подглядывать! Молчи уж, окаянный, не буди лихо. А ты, девонька, не слушай его.

Тетка обернулась к Паслене, разгладила морщины на челе. Дядька тишком-бочком скакнул к дверям, чтобы в случае чего шмыг – и на улицу, подальше от грозной супруги.

– Ты, Пасленка, крепись да терпи. А там – кто знает, может, и не врут побасенки-то наши. Вырвешь у судьбы свое счастье.

Свадьбу сыграли незаметно. В детских грезах Паслене представлялось: мчат ее в санях по снегу лихие кони, за санями шлейф нежнотканый на полнеба тянется, звезды закрывает. А рядом сидит молодец красоты неопишущей – сокол, орел ли. За руку ее держит, любит, шепчет щекотно на ухо: «Тепло ль тебе, мое сердынько?» А она только смеется счастливо, и копыта конские, серебром подкованные, нежно-нежно звенят. Хотя с чего бы им звенеть, на снегу-то? Вот и в жизни так. Посидели во дворе, да не под небом ясным – под душным навесом. Жених смурен был, и невеста не радостней. Гости тихо побалакурили, выпили за молодых – да и разошлись с богом. А муж взял Паслену за руку и в хату повел. Хата широкая, но низкая, будто к земле гнется. Глядится в зорю вечернюю окнами-шелками, словно зверь, перед прыжком затаившийся. Паслена как через порог переступила, так сердце и упало: все, пути обратного нет. Поплакала, конечно, немного. Но все же смирилась. Стали жить.

Степан непонятным был. Плечи широкие, а взгляд исподлобья. Когда не ходил на промысел, любил на завалинке сидеть и чурочки строгать. Выстругивал из них досочки, фигурки всякие, так и сяк прилаживал, а зачем – детей-то у них с Пасленой пока не было, баловаться с поделками некому. Выстругивал и в печку бросал, и долго смотрел, как горят деревяшки,

до угольков сгорая. Дня через два после свадьбы взялась Паслена вещи мужнины перебирать, нашла две шкуры зимние. Постирала, зима-то уже не за горами: вон, кочет во дворе кричит хрипло, с дребезгом, и солнце по утрам в рыжей дымке встает. Постирала, а в шкурах тех седых шерстин едва ли меньше, чем серых. А почему так? И тридцати ведь муженьку-то нет. Однажды вечером подошла, о плечо потерлась, спросила, заглядывая снизу в хмурые глаза:

– Тяжело тебе? Волком тяжело быть, или иное мучит?

Ничего не ответил сердешный, только головой мотнул. Отставил Паслену в сторону, как чурочку деревянную. С тех пор не беседовали. А как пришла зима...

Зерцало прабабкино на стене кривилось, хмурилось. Забрала его Паслена с собой из старой хаты, хотя тетка Евксинья разохалось: на что оно тебе, мол, старое, щербатое да недоброе? Паслена ничего не ответила, завернула стекло в белый рушник и с собой унесла. Хата-то тетке досталось, а зеркало древнее ей ни к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.